

*Посвящается Амаю и Бену, младшим Эдгарам
И памяти Адиля Александровича Уалиева (1993–2015)*

Благодарности

Я рада выразить благодарность всем, кто помог сделать эту книгу возможной. Прежде всего, я благодарю всех женщин и мужчин в Центральной Азии и России, которые поделились историями своей жизни в интервью для этого проекта. Без их великодушия и открытости этой книги не было бы. Я в огромном долгу перед моими друзьями и казахстанскими коллегами — это С. К. Уалиева, которая помогла мне найти моих первых респондентов и чье сотрудничество, знания и гостеприимство так много значили для меня на протяжении многих лет; Н. У. Шеденова и ее отец У. К. Шеденов, любезно принявшие меня на несколько недель в своем доме в Алматы; К. А. Токтыбаева, Б. Н. Кылышбаева, М. А. Ускембаева, С. М. Шакирова, З. Ж. Жаназарова и А. Х. Аймаганбетова, которые поделились своими мыслями о смешанных браках в Казахстане, навели меня на респондентов и посоветовали интересные материалы для чтения, а также помогли мне во многих других вопросах. Кроме того, К. А. Токтыбаева великодушно предложила провести и записать интервью за меня. А. Б. Есимова провела для этого проекта несколько интервью в Шымкенте, а О. А. Гайко и Е. Ю. Мацковская расшифровали многие интервью.

Я благодарю ученых Института этнологии и антропологии РАН, особенно О. И. Брусину, О. Б. Наумову, С. Н. Абашина и В. А. Шнирельмана, которые поделились со мной мыслями и материалами, а также деликатно развеяли некоторые мои заблуждения о советских общественных науках. Я также благодарна социологу А. А. Сусоколову, который пригласил меня к себе домой, чтобы обсудить его важное исследование о смешанных браках советской эпохи.

Мне посчастливилось работать с двумя необыкновенно талантливыми ассистентами-аспирантами — З. Ю. Абман и С. Салущевым, которые помогли мне во многих аспектах этого исследования. Я выражаю искреннюю благодарность им обоим.

На начальных этапах исследования финансовую поддержку этому проекту оказал Фонд Александра фон Гумбольдта, что позволило мне плодотворно провести год в Берлинском университете имени Гумбольдта. Я благодарю Й. Баберовски и его исследовательскую группу за то, что они приняли меня и вовлекли во многие вдохновляющие беседы о советской истории. Я благодарна С. Рош и Центру перспективных транскультурных исследований имени Карла Ясперса при Гейдельбергском университете (Германия), чье предложение исследовательской стипендии обеспечило мне время и душевное спокойствие для написания предварительного варианта этой книги. Кроме того, я получила поддержку для этого проекта от Академического сената Калифорнийского университета в Санта-Барбаре и Междисциплинарного гуманитарного центра Калифорнийского университета в Санта-Барбаре.

Многие мои коллеги читали фрагменты из этой работы или же обсуждали непосредственно со мной этническую принадлежность, расу, смешанные браки, советскую идентичность и устную историю, поэтому окончательная версия книги во многом обязана им. Я особенно благодарна Е. Ароновой, Х. Бернштейн, Б. Фроммеру, А. Игмену, М. Камп, Я. Караджаоглу, А. Халиду, М. Б. Могильнер, С. Рош, П. Спикарду, Дж. Сахадео и А. Уиттингтон. Я ценю внимательное прочтение моей рукописи анонимными читателями из издательства Корнеллского университета, которые предоставили множество замечательных предложений по ее доработке. Я также благодарна моим редакторам из издательства Корнеллского университета — Р. Хейдону, чей энтузиазм по поводу этого проекта во время нарастающей пандемии был поистине отраден для меня, а также Дж. Лэнсу и К. Джонс, которые умело довели книгу до конца.

На протяжении нескольких лет я получала отзывы и предложения к этому проекту на многих площадках, в том числе на

собраниях Ассоциации исследований национальностей, Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований, Общества исследований Центральной Азии, Общества критических исследований смешанных рас и Семинара Пустыни по истории России. Семинар по расовой проблематике в России, организованный Д. Рэйнбоу в Центре Йордана по углубленному изучению России при Нью-Йоркском университете, помог мне на решающем этапе проекта переосмыслить свои представления о расовой повестке в Советском Союзе.

Моя семья уже много лет живет темами этой книги: моя мать, Патрисия Эдгар; мой брат Том Эдгар, его жена Грейс Ли и их сын Бен; мой муж Биси Агбула и наш сын Амаи. Я благодарна им за неизменную поддержку. Мой покойный отец, Даллас Эдгар, не увидел этой книги, но я отдаю ему должное за то, что он превратил меня в историка, научив все подвергать сомнению, всегда. Спасибо, папа!

Вариант текста пятой главы также опубликован отдельно под названием «Children of Mixed Marriage in Soviet Central Asia: Dilemmas of Identity and Belonging» [Ideologies of Race 2019: 208–233]. Вариант текста шестой главы опубликован в журнале *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*¹. Кроме того, некоторые материалы этой книги впервые появились в статье «The “Laboratory of Peoples’ Friendship”: People of Mixed Descent in Kazakhstan from the Soviet Era to the Present» [Ualiyeva, Edgar 2014: 68–90] сборника «Global Mixed Race» и в статье под названием «Marriage, Modernity and the “Friendship of Nations”: Interethnic Intimacy in Postwar Soviet Central Asia in Comparative Perspective» [Edgar 2007: 581–600]² журнала *Central Asian Survey*. Я благодарна издателям, позволившим мне использовать этот материал.

¹ Edgar A. L. What to Name the Children? Oral Histories of Ethnically Mixed Families in Soviet Kazakhstan and Tajikistan // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2019. Vol. 20. № 2. Bloomington: Slavica Publishers, 2019. P. 269–290.

² Copyright Global South, Ltd., reprinted by permission of Informa UK Ltd., trading as Taylor and Francis Group, www.tandfonline.com.

Введение

Национальность, раса и смешанные браки в Советском Союзе

Ну, вы знаете, я не могу... как сказать... чувствовать себя казахской или русской. Это сложно сказать. Я как-то, ну, как? Я чувствую себя просто человеком. Мне ближе, как-то, как у нас при социализме было — интернациональное. Я человек, ну, как, которому действительно все равно, какой он национальности. То есть, вот этот принцип интернационализма, это близко мне, в общем-то, по духу.

Марина Абдрахманова¹

Комментарий Марины, дочери русской матери и казахского отца, вряд ли был чем-то необычным; множество версий подобного я слышала во время интервью с бывшими советскими гражданами из этнически смешанных семей. Респонденты утверждали, что в Советском Союзе «национальность не имела значения», что «все мы были советскими» и «мы тогда были интернационалистами». При этом те же люди иногда делились воспоминаниями, раскрывающими совсем другую историю, в которой национальность и этническая принадлежность в действительности имели большое значение. Я слышала о тревожных случаях дискриминации, которой подвергались люди смешанного этнического происхождения, и слушала, как люди обсуждали

¹ Интервью с М. Абдрахмановой, Алматы, Казахстан, 15 апреля 2010 года.

этнические стереотипы, широко распространенные в советские времена, в которых казахи были гостеприимны, но привязаны к традициям; русские были сильно пьющими и не имели тесных семейных связей; азербайджанцы были патологически ревнивы; а армяне были экспертами в зарабатывании денег. Как, задавалась я вопросом, советские граждане могли быть интернационалистами и одновременно с этим — помешанными на национальностях, определяемых по этническому признаку?

Этот парадокс отражает напряженность, часто отмечаемую внутри советского многонационального государства, которое стремилось создать «советский народ», в то время как отдельные этнические нации укоренялись в пределах своих республик². Не менее важно то, что эта ситуация отражает развитие примордиального³ и квазибиологического взгляда на национальность в позднем Советском Союзе, когда стереотипы, основанные на национальном происхождении и наследственных характеристиках, казались естественными и даже неизбежными. Несмотря на официальный антирасизм советского государства, советские граждане в последние десятилетия существования СССР все чаще, хотя зачастую и произвольно, думали, говорили и действовали в расиализированном ключе.

Эта книга исследует взаимодействие национального и советского через призму межэтнической близости. Советский Союз, как и многие современные государства с этнически разнообразным населением, был озабочен вопросами этнического смешения. В противовес политике, направленной против смешения, которая преобладала в США на протяжении большей части XX века, советское государство прославляло смешанные браки как доказательство нерушимой «дружбы народов» и как признак предстоящего слияния своих многочисленных национальностей в совет-

² См., например, [Suny 2012: 17–36].

³ Примордиализм — это теоретический подход в социологии, антропологии и этнологии, который рассматривает отличительные этнические, расовые и культурные группы как изначальные, естественные и обязательные характеристики человеческих сообществ. — *Прим. ред. русского перевода.*

ский народ. Но чем же на самом деле был советский народ и насколько быть этнически русским, узбеком, грузином или эстонцем было совместимо с членством в этом наднациональном пространстве? Как на границе между национальностями индивиды и семьи, обладающие множественной и неоднозначной этнической принадлежностью благодаря своему смешанному происхождению, ориентировались между этими двумя полюсами своей идентичности? Я утверждаю, что, несмотря на официальный советский антирасизм и государственное воспевание смешанных браков, люди и семьи со смешанной этнической принадлежностью в Советском Союзе в попытках определить свое место в советском полиэтническом обществе сталкивались с серьезными вызовами, которые во многом были обусловлены возрастающей расиализацией понимания национальности.

В Советском Союзе смешанные браки определялись именно национальностью. В СССР было более 100 официально признанных национальностей, которые применялись в соответствующей категории во время переписи населения, а также во внутригосударственном паспорте, который был у каждого гражданина старше 16 лет. Эти национальности были сформулированы советскими этнографами в первые годы после большевистской революции 1917 года как часть процесса разделения Советского Союза на национально-территориальные республики⁴. Национальность была наиболее близка к тому, что в Соединенных Штатах назвали бы этнической принадлежностью, хотя она включала в себя территориальный компонент, отсутствующий в американском понимании этого термина. Таким образом, в советском контексте смешанный брак представлял собой просто союз мужчины и женщины, у которых в документах, удостоверяющих личность, были указаны различные национальности.

Это официальное понимание не всегда совпадало с местными концепциями смешанных браков. Даже советские граждане одной национальности могли считать, что пересекают важные границы

⁴ О разработке национальных категорий и их интернализации жителями Центральной Азии в ранний советский период см. [Hirsch 2005: chap. 3].

идентичности, вступая в брак, поскольку религия, родство и социальный статус оставались важны при принятии решений о браке. Это особенно верно в отношении Центральной Азии, где советские национальные категории необязательно находили отклик у людей, которые исторически определяли себя по религии, происхождению, региону или образу жизни (кочевому или оседлому). В Туркменистане люди редко вступали в брак с представителями другого племени. Во всех республиках Центральной Азии представители священных родов (ходжи или сеиды) традиционно не вступали в брак с остальными [Аннаклычев 1964: 30; Ганцкая, Терентьева 1977: 463]⁵. В то же время супруги разных национальностей, например казах, женатый на татарке, или русский, женатый на украинке, могли не воспринимать свои браки как смешанные из-за культурной и религиозной близости между этими группами. Таким образом, для многих советских людей национальность необязательно была единственной или даже самой важной категорией идентичности.

Учитывая все эти сложности, для чего вообще нужно использовать советское определение смешанного брака? Я использую его в этой книге по двум основным причинам. Во-первых, потому что советское государство и советские ученые постоянно подсчитывали, чествовали и иными способами оперировали понятием смешанных браков, используя такое определение. Само советское государство создало идею смешанных браков между представителями разных национальностей на территории бывшей Российской империи. После большевистской революции 1917 года новый советский семейный кодекс превратил брак в бывшей Российской империи из религиозного таинства в гражданскую церемонию, а прежняя концепция смешанных браков, как исключительно межконфессиональных, оказалась устаревшей. Особое внимание советского режима к национальности и разработке этой категории развило идею о смешанных браках,

⁵ Советские ученые значительно преуменьшали значение этого вопроса, хотя данные опросов 1990-х годов указывали на сохраняющийся высокий уровень племенной эндогамии [Кадыров 1996: 87–88]. О категориях социального статуса и браке в Таджикистане см. [Roche 2020: 163–199].

как о межнациональных. Во-вторых, я использую советское понимание смешанных браков, потому что со временем оно оказалось широко и публично принятым среди советских граждан, отодвигая альтернативные идеи о смешанных браках на второй план. В моих беседах с бывшими советскими гражданами из Центральной Азии быстро прояснилось, что они считают смешанными только те пары, которые состоят из представителей различных «официальных» национальностей. Внутринациональные браки между людьми различной степени родственных или статусных групп не учитывались. Как и сами советские национальные категории, концепция смешанных браков, созданная советским государством, была усвоена советскими гражданами.

Историческая роль государств в создании и укреплении категорий идентичности хорошо изучена⁶. В Советском Союзе не только периодические переписи населения, но и постоянные напоминания о своей национальности при предъявлении документов, удостоверяющих личность, укрепляли официальные категории национальности. Само существование национально-территориальных республик со своим языком, школами, газетами и элитой все больше укрепляло реальность советских национальностей [Suny 1993: 129–130, 154–156]. Подобно тому, как, по утверждениям некоторых американских и британских ученых, идея межрасовых браков основана на сомнительных с научной точки зрения предположениях о реальности расы, концепция смешанных браков в Советском Союзе основывалась на вере в существование отдельных и чистых национальностей⁷. Парадоксально, но постоянное обсуждение и прославление межнациональных браков — браков, которые якобы помогут стереть национальные различия и создать «советский народ», — на самом деле помогли укрепить эти различия и убедить людей в их реальности.

⁶ Как утверждают Д. Кертцер и Д. Арель, официальные категории переписи населения, используемые государствами, служат для конструирования реальности; «коллективные идентичности формируются посредством переписи населения». См. [Kertzer, Arel 2002: 2].

⁷ Пример такого аргумента в контексте США см. [Spencer 2006].

Книга «Смешанные браки и дружба народов» затрагивает три взаимосвязанные области научных интересов. Во-первых, она взаимодействует с растущим объемом литературы, анализирующей этническую, национальную и расовую принадлежность в Советском Союзе, одном из наиболее важных мультиэтнических государств XX века. В частности, в этой книге исследуются способы, с помощью которых определяемые государством национальные категории взаимодействовали с субъективными идентичностями советских граждан. Я утверждаю, что по мере обострения напряженности между двумя магистральными тенденциями — национальной и наднациональной — в последние десятилетия существования Советского Союза смешанные семьи оказались заключены в ловушке где-то посередине этих тенденций, не будучи способны идентифицировать себя исключительно с одной национальностью, но в то же время они уже не могли называть себя просто советскими. Потомки смешанных пар буквально воплощали собой упрек тем, кто концептуализировал национальность как единый и примордиальный феномен. Во-вторых, эта книга исследует смешанные браки как форму повседневного опыта в советской Центральной Азии, тем самым внося вклад в зарождающиеся области гендерной и семейной истории, а также в историю повседневности в этом малоизученном регионе. Хотя советская идеология рассматривала смешанные семьи в положительном ключе как наиболее советские из всех семей, эта книга свидетельствует, что в действительности они сталкивались с различными трудностями, которых не возникало у моноэтнических семей. Определение того, на каком (-их) языке (-ах) говорить дома, подбор имен для детей, которые отражали бы их многогранную идентичность, взаимодействие с родственниками различного культурного происхождения, выбор религии, если это было актуально, для исповедания, а также согласование различных представлений о гендерных ролях — все это требовало дополнительных усилий и размышлений, даже если они и не были предметами открытого противостояния. В-третьих, в этой книге принят эксплицитный сравнительный и глобальный подход к межэтническим бракам

в СССР, что способствует более широкому пониманию общемирового феномена межэтнической близости в современную эпоху. Несмотря на заявления Советского Союза об уникальном прогрессивном подходе к этническому смешению, я утверждаю, что его официальная политика и опыт его смешанных семей были далеко не уникальными. Советский Союз был не единственным государством, приветствовавшим и прославлявшим смешанные браки, и категоризация его населения по национальности, а не по расе, также не была уникальной. Более того, опыт и проблемы, описанные людьми смешанного этнического происхождения в Советском Союзе, во многом перекликаются с опытом людей этнически смешанного происхождения в других частях мира. Мои выводы здесь дополняют работу историков, стремившихся снизить советскую исключительность и выделить то, что у Советского Союза было общего с другими современными государствами XX века [Khalid 2006: 231–251; Kotkin 2001: 111–164].

Этничность, национальность и раса

Изучение этнической принадлежности и национальности в советском государстве претерпело стремительную эволюцию за три десятилетия, прошедшие после распада СССР в 1991 году. В первое десятилетие после распада Советского Союза ученые были особенно заинтересованы осознанием центробежных сил, способствовавших неожиданному концу советского эксперимента. Возглавляемые Р. Г. Суни историки утверждали, что советский режим был «создателем наций», который способствовал развитию национальных культур в пределах республик, определяемых по этническому признаку, и тем самым он непреднамеренно закладывал основу для вероятного распада Советского Союза по линии национальных границ. В первые два десятилетия XXI века историки переключили свое внимание на узы сплоченности, которые удерживали в целостности многонациональное советское государство, и особенно на концепцию надэтнического советского народа. Некоторые пытались примирить эти два, казалось бы, несовме-

стимых аспекта советской истории, утверждая, что советские граждане могли одновременно быть причастны и к национальности, и к советскости⁸. Тем не менее ни одно из этих направлений научных исследований не включало рассмотрение межэтнических браков — явления, которое прямо соперничало с советским взглядом на национальность как на врожденную и единую⁹. Недостаток внимания западных ученых к смешанным бракам в СССР тем более поразителен, поскольку в историографии Америки, европейского колониализма и других частей мира эта тема была областью интенсивной научной работы¹⁰.

Очевидно, отличительной чертой полиэтнического советского государства была категоризация граждан по национальности, а не по расе. В советскую эпоху западные историки были склонны принимать на веру советские заявления об отсутствии рас и расизма в СССР. Действительно, в годы становления СССР между революциями 1917 года и Второй мировой войной официальная советская позиция заключалась в том, что каждая советская национальность отличалась от других национальностей наличием общих культурных и исторических корней, а не общим происхождением или кровью. Каноническое сталинское определение национальности категорически отвергало идею о том, что нация имеет расовое или этническое происхождение¹¹. Нация, писал он, «не расовая и не племенная», а скорее «...исторически

⁸ О Советском Союзе как о «создателе наций» см. [Suny 1993; Martin 2001] О «советском народе» и его отношении к национальности см. [Lehmann 2012; Florin 2013; Tasar 2017].

⁹ До распада Советского Союза некоторые специалисты по советской национальной политике анализировали смешанные браки, используя в качестве основного источника советские публикации. К ним относятся [Silver 1977: 107–116; Dunn, Dunn 1973: 45–58; Karklins 1986; Fisher 1980; Kaiser 1994]. Политолог Д. Горенбург вновь обращался к этой теме [Gorenburg 2006: 145–165], как и некоторые авторы из сборника [Intermarriage 2020].

¹⁰ Примеры из этой обширной области литературы: [Sex, Love, Race 1999; McClintock 1995; Stoler 2002; Twine 2010; Spickard 1989].

¹¹ О раннесоветской терминологии и концептуализации национальностей и наций см. [Hirsch 2005: 42–45, 108–114].

сложившаяся, устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [Stalin 1936: 5]. В научных работах XXI века, посвященных Советскому Союзу, исследователи начали обращать внимание на скрытую роль расы в советском мышлении. Историки отмечают, что даже в сталинский период существовали признаки более примордиального и основанного на происхождении подхода к национальности; депортация целых народов на основании предполагаемой нелояльности в 1930-е годы и во время Второй мировой войны была очевидным признаком этого, как и яркий послевоенный антисемитизм Сталина [Snyder 2010: chaps. 10–11]. В постсталинский период наблюдалось развитие примордиального понимания национальности, поскольку институционализация национальной идентичности в национально-территориальных республиках обеспечивала понимание этих наций как вечных и бессмертных [Martin 1999: 348–367; Laruelle 2008b: 169–188]. Возрождение в середине 1960-х годов такой дисциплины, как генетика, запрещенной при Сталине в пользу псевдонаучной теории биолога Т. Д. Лысенко, привело к возобновлению дискуссий о человеческих сообществах как о биологических, а не только социальных и исторических явлениях¹². Советские этнографы возродили термин этнос (от греч. «народ» или «этническая группа»), впервые использованный в 1920-х годах, для описания человеческих сообществ, которые по предположению сохраняли свою самобытность на протяжении веков или даже тысячелетий¹³. Этнические характеристики все чаще стали рассматриваться как генетически детерминированные и неизменные. Эти события подразумевали негласную расиализацию национального дискурса и его практик в последние десятилетия существования Советского Союза. Некоторые историки теперь утверждают, что расовые категории были вполне присущи Советскому Союзу, даже если они не

¹² О лысенковщине и советской генетике см. [Babkov 2013; Graham 2016; Soyfer 1994; Pollock 2006].

¹³ О концепции этноса см. [Тишков 2003; Бромлей 1973].

полностью соответствовали категориям таких «типичных» основанных на расовой принадлежности обществ, как Соединенные Штаты¹⁴.

В этой книге я утверждаю, что в последние три десятилетия существования Советского Союза обычные граждане часто понимали национальность и говорили о ней в расовом ключе, хотя почти никогда не употребляли слово «раса». Даже члены семей смешанного происхождения, от которых можно было бы ожидать более тонкого понимания идентичности, были склонны описывать характеристики национальных и этнических групп как врожденные и неизменные, а также признавать имплицитное существование этнических иерархий как внутри, так и за пределами Советского Союза. В этом они придерживались ведущей линии партии и советской науки. Как я покажу в последующих главах, расовое мышление в Советском Союзе имело особенно пагубное воздействие на потомков от смешанных браков, которые иногда были вынуждены сожалеть об отсутствии «чистой» национальной идентичности. В последние годы существования Советского Союза и в последующий период примордиальное понимание национальности проложило также путь к возникновению различных форм этноцентризма и расизма, включая неприятие к смешанным бракам.

Субъективность, идентичность и повседневная жизнь в советской Центральной Азии

В основе этой книги лежит исследование опыта и восприятия смешанных пар и семей в советской Центральной Азии, регионе, который в глазах советских лидеров выглядел как особенно от-

¹⁴ Одним из первых, кто выступил за наличие расового мышления в Советском Союзе, был Э. Д. Вайц [Weitz 2002: 1–29]. См. также: Rainbow D. Introduction: Race as Ideology: An Approach // [Ideologies of Race 2019: 3–26]. Роль расы и расового мышления в Советском Союзе остается спорной, и некоторые продолжают утверждать, что раса не была важной категорией в советском мышлении. См., например, [Knight 2012: 667–683].

сталый и нуждающийся в ускоренной социальной трансформации¹⁵. Население республик Центральной Азии было разнородным, что создавало многочисленные возможности для межэтнического взаимодействия. Немногие регионы СССР обладали таким разнообразием культур, языков, религий, национальных традиций и фенотипов. Советские ученые и сами в своих исследованиях смешанных браков уделяли серьезное внимание Центральной Азии. Однако мало что известно о том, как реальный опыт смешанных пар соотносился с воспевающей их официальной риторикой. Как реагировала русская семья, когда их дочь объявляла о намерении выйти замуж за таджика или наоборот? Соглашалась ли украинка, вышедшая замуж за татарина, на совершение обрезания своим сыновьям в соответствии с правилами ислама? Какие имена корейско-казахская пара подбирала для своих детей? В школу с казахским или русским языком обучения отправляла своих детей смешанная казахско-русская пара? Как дети от смешанных браков справлялись со сложностями этнической принадлежности в государстве, где национальность по паспорту была ключевым фактором, определяющим социальную идентичность? Эта часть моей книги выстраивается на глубинных интервью, как методе устной истории, с членами смешанных семей в постсоветских государствах-преемниках Казахстане и Таджикистане.

Устная история играет решающую роль в исследовании повседневной жизни и семейной истории в бывшем Советском Союзе, где иностранные исследователи не могли свободно работать, а жесткая цензура не позволяла обсуждать многие аспекты жизни в печати. После распада Советского Союза в 1991 году среди западных историков, взволнованных возможностью изучать недавно открытые советские архивы и долго хранившиеся под грифом секретности материалы, вспыхнула настоящая «архивная лихорадка». Однако вскоре ученые осознали, что советские архивы не

¹⁵ Регион Центральной Азии, который был советским, в настоящее время состоит из пяти независимых государств: Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана.

станут универсальным решением проблемы поиска источников по советской истории. Как и все архивы, они отражают культуру, в которой были созданы, и содержат много пробелов, упущений и умолчаний. Архивы сталинской эпохи особенно туманны и требуют чтения между строк. Устные исторические интервью, хотя и требуют тщательной интерпретации, являются одним из немногих способов запечатлеть определенные аспекты опыта последнего советского поколения, прежде чем оно уйдет со сцены. В то же время они являются важным средством документирования того, как бывшие советские граждане вспоминают — коллективно и индивидуально — жизнь при социализме.

Я выбрала Казахстан и Таджикистан в качестве основных локаций для своего исследования, потому что эти два государства Центральной Азии, хотя и имеют много общего как преимущественно мусульманские бывшие советские республики, в других отношениях представляют собой противоположные полюса в спектре советского опыта. Обе центральноазиатские республики были созданы советским государством в 1920-х и 1930-х годах как национально-территориальные республики в рамках политики содействия развитию нерусских национальностей. В советскую эпоху Казахстан стал чрезвычайно многонациональным и русифицированным до такой степени, что этнические казахи составляли меньшинство в собственной республике, и многие говорили на русском как на родном языке [Fierman 2006: 101; Жакупов 2009: 9–10]. Десятилетия российских притязаний и колонизации привели к появлению большого контингента русских поселенцев. Ужасающий голод во время сельскохозяйственной коллективизации в начале 1930-х годов привел к гибели и бегству почти 40 % этнического казахского населения [Cameron 2018; Kindler 2018]. В сталинскую эпоху массовые депортации, миграции, ссылки в ГУЛАГ и военные эвакуации привели в Казахстан этнических немцев, русских, украинцев, евреев, армян, корейцев, чеченцев и др. В Казахстане этнические казахи составляли лишь 39 % населения в 1989 году по сравнению с минимальным показателем в 30 % в 1959 году. Русские составляли 37,8 % населения, за ними следовали менее многочисленные группы украинцев,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru